

ВРЕМЯ И МЕСТО

Привет, училка!

Кто пригласит Бел Кауфман в Москву?

Татьяна Бек
Нью-Йорк-Москва

Бел Кауфман – известная американская писательница, автор книжки о школе «Вверх по лестнице, ведущей вниз», в 67-м году ставшей у нас бестселлером, а сейчас в пштерской «Азбуке» с успехом переизданной. Кроме того, она – внучка знаменитого Шолом-Алейхема.

Ее мастерская находится на Парк-авеню в Нью-Йорке. Там масса картонных ящиков – Бел готовится сдать свой архив в один из американских колледжей.

Ей 93 года. Красивая. Элегантная. Обтягивающие черные брюки. Широкая белая блуза. Очень высокие каблукки. На пальцах – крупные перстни. И хочется, сияет.

Самая молодая писательница, какую я встречала в жизни.

– Бел, а кто была ваша мама?

– Она была дочь Шолом-Алейхема. Ляля Кауфман. Писала маленькие новеллы. Была талантливая рассказчица... А вы, Татьяна, хорошо читаете по-английски?

– Плохо. А что?

– Я хочу вам показать мое последнее издание. Это очень красивая книга на английском – об Одессе, где есть и мои воспоминания. Один любитель Одессы много лет собирал всякие фотографии, всякие открытки. Он попросил меня написать предисловие. И я написала – мое воспоминание об Одессе: как революция выглядела в глазах семилетней девочки.

– У вас этот текст только на английском? А что, если его на русский перевести?

– Никто пока не переводил. Но они ведь не платят. А я к этому не привыкла как американская писательница. Надо платить, если кто-нибудь захочет перевести... Когда был Союз, то меня приглашали вместо гонорара. Может быть, пригласят? Было бы хорошо...

– Ваш русский прекрасен. Он идеальнее, чем наш. Это классика. Теперь так говорят в России, что вы половину слов не поймете.

пить. Кажется, еще недавно украинская земля была залита еврейской кровью (помните Бабий Яр?), а сейчас... Шолом-Алейхем! Шолом-Алейхемская улица...

– Как вы это объясняете?

– Я их сама спросила: «Как это?» И в Москве тоже есть памятник Шолом-Алейхему, около Театра на Бронной, но уж очень некрасивый... Мне посылали фотографию этой скульптуры. Мне не понравилось. Что-то непропорциональное.

– Я вам привезла недавно переизданную у нас вашу книжку «Вверх по лестнице, ведущей вниз». В России это до сих пор одна из любимейших книг (тут и кино сыграло большую роль) – даже само название «Вверх по лестнице, ведущей вниз» вошло в общенародный разговорный язык, стало идиомой, что ли.

– У нас тоже вошло в английский как идиома.

– С момента выхода этой книжки минуло уже лет сорок. Что было создано после – романы, повести, новеллы?

– Я напечатала большой роман – по-моему, гораздо лучше этой книжки. Он вышел тут в 79-м. Роман психологический, в трех голосах. Его труднее читать. Как он называется? В переводе на русский – «Любовь и всё прочее». Потом я писала много эссе в журналах. О литературе, об официальной американской школе.

– А в школе вы преподавали долго?

– Всю жизнь. После книжки про школу я еще преподавала и в университете. А теперь я главным образом выступаю про своего дела. Я – актриса-внучка. Все же недаром я была хорошая учительница. Людям нравится: я стою... двигаю руками... вспоминаю... И так – по всей Америке. Но последние годы я выступаю меньше. Многие, наверное, думают, что я уже умерла. (Смеется, но грустно.)

– Нет, у вас такая репутация, что вы очень даже живы и еще молоды.

– Недавно напечатали в одной газете интервью – и снова стали

Бел Кауфман у себя в мастерской. Нью-Йорк. 2004 г.

Фото из личного архива Татьяны Бек

«другому папе». Он был мой «другой папочка»... Вот я и выросла. Научилась писать. Да. Однажды я рассказывала о деле в огромном театре, а когда я закончила, то к сцене подъехал инвалид в коляске для больных и сказал: «Я слепой – я вас не вижу. Я глухой – я вас не слышу. Но я попросил, чтобы меня привезли, чтобы дотронуться до вашей руки». И я прослезилась. И всюду, где я о деле ни говорила, любовь к нему капает на меня.

– Главная героиня романа «Вверх по лестнице...» – училка. Это автопортретный образ?

– Да, но роман-фикшн. И для меня как самый большой комплимент, когда говорят, что я просто записывала и стенографировала все эти уроки, что все эти докладные записки и циркуляры документальны... Нет, я их сочинила, нафантазировала. Однако мне нравится, что они выглядят как документы, как нечто реальное.

– Один ученик по сюжету вашего романа пишет учительнице: дескать, «слишком много баб в школе». А? И у нас в школе тоже преподают все больше женщины... Что вы по этому поводу думаете?

– Не знаю. У нас это потому, что в школе мало получают. Гораздо меньше, чем в корпорациях. А мужчины ищут работу, где хорошо платят... Хотя Сократ, даже не имея комнат, был прекрасным учителем.

Дело в том, что когда-то наша школа была как пристанище для беженцев. И то, что было на улице, было вне школы. А теперь то, что делается на улице (наркотики, оружие и так далее), оно происходит и в школах. Это не педагоги виноваты, это не их проблема – это проблема общества.

– В вашем романе есть еще масса интереснейших вопросов (по сю пору актуальных), которые задают училке ученики. Например: должна ли быть отменена смертная казнь? Вы как на сегодня полагаете?

– Я против смертной казни. Но я знаю и то, что очень дорого кого-нибудь в тюрьме держать. А эти деньги можно передать и в школы, и в клиники.

– Вы раньше часто у нас бывали. Что вам дорого в России?

– Русские имеют замечательный юмор и знают, как смеяться над собой. Я была в Москве несколько раз. И всегда мне рассказывали анекдоты.

– Например?

– Один человек каждый день в три часа идет туда, где продают водку. И берет два стаканчика водки. Его спрашивают: может, сразу двойную порцию взять? Он отвечает: это сантимент такой – у меня друг на Камчатке.

Мы друг друга любим. Он тоже в этот момент идет там, на Камчатке, куда надо и берет один стакан для себя, один для ме-

ня... И вот однажды этот тип приходит и просит только один стакан. Продавец говорит ему: «Ваш друг с Камчатки умер?» А он отвечает: «Нет, это я бросил пить»... Мне нравятся ваши анекдоты.

– С кем из советских писателей вы дружили, когда прежде к нам приезжали?

– С Толей Рыбаковым. А Евтушенко и Вознесенский у уже отсюда знала. Они тут часто бывали. Беллу Ахмадулину встречала. Не помню больше имен... Фрида (Фрида Лурье, переводчица – Т.Б.), которую я любила, как сестру родную, – меня представляла всем в ЦДЛ, где мы часто ланчевали. Там была самая лучшая кухня в Москве.

Жаль, я Бродского никогда не встретила. А я его так люблю. Я хотела с ним познакомиться, но постеснялась навязывать-

ся... Ко мне приходят – я рада. А сама – никогда.

– Вы знали Набокова?

– Я знала его сына – Дмитрия. А Владимира Набокова я боготворю как писателя. Смотрите на мои книжные полки – там все, что он когда-либо писал. Романы, и письма, и лекции – все у меня есть... Я его собирала. А один раз я Набокову даже написала письмо – и имела ответ от Веры. Строгий.

– Что ж она вам написала?

– «Мой муж очень занят, не имеет времени отвечать. Спасибо за ваше письмо. Вера Набокова»... Я читала ее книгу «Вера» – она прожила очень интересную жизнь. А он писатель замечательный, хотя бабочки меня не интересуют.

– Кто еще ваши любимые русские писатели?

– Обожаю Чехова. Но именно его короткие рассказы. Тут он больше знаменит как драматург, а я рассказы его наизусть знаю. Чехова очень любил Шолом-Алейхем. Если больно, начинаешь Чехова перечитывать...

– Что в вашей жизни значит юмор?

– Много-много-много. Моя книга, которую вы знаете, про школу, написана так, что люди все время смеются, но когда кончают, то думают: о, все не так-то просто и не только смешно. Я часто цитирую такое высказывание одного американского прозаика: «Жизнь – это комедия для тех, кто думает, и трагедия для тех, кто чувствует...» Это – моя главная тема в книге «Любовь и всё прочее». Над ней можно и смеяться, и плакать одновременно.

– Вы в жизни много любили?

– Да. Женщина понимает женщину.

– Любовь часто несет нам несчастье, ибо кто-то непременно любит сильнее – даже если любовь взаимная... Как это переносит с достоинством?

– Кто-то любит, а кто-то позволяет себя любить. По мне, важнее любить, чем быть любимой. Меня много обижали. Когда я была молодой. Много-о-го было трагедий. И все равно надо любить.

– А какой вы дадите совет молодым девочкам: как – чтобы и любить, и не страдать?

Любопытство – источник энергии

– Не знаю, есть ли такой способ. Я очень страдала, когда я была молодой. Влюблялась не в тех, в кого надо. А потом стало легче, потому что выяснилось, что важнее – получить ли какое-то письмо или не получить. Или нужно ли сутками

ждать звонка... А может, это не так важно? Правда? С годами мы делаемся свободнее... Вы еще очень молодая. Вам 55? Оттуда, где я сижу, вы как ребенок. Знаете, моим будущим стало мое прошлое... Почти никого из друзей жизни не осталось. Правда, я встречаю новых, молодых, но это не то же самое. И все же хорошо, что у меня есть их общество. Это омолаживает.

Разные танцы: вальс... всё. Уже лет 25 я туда хожу. Танцую на каблукках. Хотя мне 93 – смотрите на мои каблукки! Я так привыкла.

– Что главное для человека, чтобы не ощущать себя старым? Ведь бывают старики и в сорок...

– Главное, чтобы оставалось любопытство. К людям, к жизни, к книгам. Любопытство – источник энергии. Мне инте-

Бел и ее куклы.

Фото из личного архива Бел Кауфман

– Поделитесь секретом: как ков источник вашей необычайной энергии?

– Может быть, это от того, что я голодала во время революции? Кушала сырой зеленый гороховый хлеб...

– А может, генетика?

– Вряд ли. Отец умер тут в 64 года. Он был врач... А мама умерла в 77. Она бы дожила и до ста, но имела рак и не хотела его лечить... Что касается меня, то

ресны новые люди, новые изобретения, новое в моем компьютере...

– Вы им хорошо владеете, компьютером?

– Не вполне хорошо. Но работаю на нем, конечно.

– Кем работает ваш муж?

– Трудно сказать. Он имеет пять профессий. Был профессор-марксист. На телевидении своя передача про Китай. Он артист. Он фотограф. Он заведует Фондом Шолом-Алейхема. Все не припомню. Ему 88 лет. Он на пять лет младше меня – ему нравятся женщины постарше. (Смеется.)

– А что это за Фонд Шолом-Алейхема?

– Мы стараемся и в Европе, и тут, чтобы еврейский язык (идиш) не забылся и чтобы Шолом-Алейхем не забылся. И вообще – еврейская культура. В Киве у нас каждый год – фестиваль шолом-алеихемский. Был он и в Праге. Кажется, будет в Париже.

– Какой у вас личный литературный девиз? Например, у вашего друга Рыбакова был девиз: «Чтобы написать, надо писать». А вы что скажете?

– А по-моему, чтобы написать, надо переписывать. Много-много раз.

– Сколько было черновиков у книги «Вверх по лестнице, ведущей вниз»?

– Может быть, десять... Не меньше. Я, когда переписываю, делаю короче и сильнее. Например. У меня там была целая глава «Расистские предрассудки», но я сократила ее до одной фразы: «Я черный – можете ли вы это установить по моему почерку?» Вот и всё. Достаточно. В общем, есть писатели, которые сразу пишут на белом. Не я. Я им завидую. Мне надо делать короче, и короче, и короче.

– Вы в последний раз когда были в России?

– Последний раз я была, повторяю, в Киве. А в Москву меня уже до-о-олго не приглашали. Спасибо, что вы мне привезли мою книжку. Если бы не вы, никогда бы не узнала о ней. Хорошо бы меня пригласили вместо гонорара, а? На неделю, с мужем, в Москву... Я буду так рада!

Шолом-Алейхем со своей внучкой Бел. Женева. 1912 г.

– Сленг?
– Сленг, жаргон, мат.
– Здорово. А как сейчас в России с еврейским вопросом?
– Хорошо. Антисемитизма официального на данный момент нету. Много синагог и еврейских культурных центров.

– Все это только в Москве?

– Могу точно сказать только о Москве, но думаю, что такие центры есть и в других городах, где много евреев.

– Я была в Киве года три тому назад. Памятник Шолом-Алейхему, огромный, среди города – и меня попросили там выступить.

приглашать: о, она еще жива! (Смеется, теперь уже весело.)

– А что вы рассказываете людям о своем деде, о знаменитом Шолом-Алейхеме?

– Это мое самое успешное – я его так люблю! Он мне прислал письмо из Америки в Одессу, когда мне было четыре года. «Дорогая внучка, я пишу тебе, чтобы ты поскорей выросла и выучилась писать и чтобы мне писала письма... Чтобы стать взрослой, надо есть побольше фруктов и поменьше конфет... Надо пить молоко...» Я ему, как могла, ответила. Вот уже 89 лет я помню это письмо своему

Бел со своими родителями. Одесса. 1916 г.